

ПРАЗДНИК

Жизнь интересна в первой трети,
На кухне молоко кипит,
Петарды зажигают дети,
И снег искрится и шипит.

В прихожей разговоры грубы,
Свет резко падает в проем,
Приходят гости, шапки, шубы
Топорщатся хмельным зверьем.

А улица ликует в сборах,
Куранты бьют желанный час,
Расплавлен наст, чернеет порох,
Привычно праздник входит в нас.

Вот так приливом и отливом,
Сумбуром, новизной затей,
И только хрупки и ленивы
Остатки ледяных дождей.

В них видно будних дней удушье,
Работы повседневной боль,
Жизнь, дай чуть-чуть великодушья
И праздник выплакать позволь.

ДОЛ

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь — благая весть, покуда в напряженье полным
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползет украдкой.
Куря и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливость вымокших животных,
Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

МГНОВЕНЬЕ

Зло, цепко кадром разграничил
Деревья, зарево и дым.
Бессмыслица фотогенична,
Фотограф этим уязвим.

Под зонтиком — линиялой крышей,
Сосредоточен, угловат.
Выходит тень из серой ниши,
Надейся, что надолго, брат!

Мгновенье чиркнет в эпатаже,
В формат замкнется цифровой,
Еще невидимы пейзажи,
Детали в данности живой.

Возникновенье тянет выю,
Створ распахнет печаль ее,
И выпадет в периферию
За явью — инобытие.

СЛУЧАЙНОЕ РОДСТВО

Поправь очки со сломанною дужкой, расцвел цикорий, синева зовет.
Из подворотни пахнет свежей стружкой, там кто-то курит, плачет и поет.
В тумане зябком отсырели кровли, не разберу ни слова, хоть убей!
Взаимное доверье лечат болью, в бессилье оправдаться перед ней.
Тревожат душу у кирпичной кладки простывший день и краденый арбуз,
Догадываюсь — режут правду-матку и нож достанут, что козырный туз.
А дальше будет курица от плахи бежать недолго и без головы.
Бродяжий дух, напомнивший о страхе, не вразумит хозяина, увы.
Цепочку пищевую понимая, кунжутным маслом пенится казан,
Событий и поступков связь прямая навязчиво бросается в глаза.

Но в этом мире, созданном искусно, а дьяволу и в этом повезло,
Причастности мистическое чувство обманывает весело и зло.
Пронзительны родные захолюстья, оправданное жизни естество.
Прими же с горькой, просветленной грустью неясное случайное родство.
Еще в руках бутылка с теплым пивом, и далеко оливковое дно,
Банально все окончится обрывом, а в нем и есть спасение одно.

КАМЕННАЯ БАБА

Под дождем, глухим, раскосым,
Грозовой ярился фронт,
Степь кренилась под колеса,
Искажая горизонт.

В ковыле, через ухабы,
Сквозь тысячелетий тьму
Смотрит каменная баба,
Неподвластна никому.

Как внезапное явление,
Что мерещится вдали,
Будто бы столпотворенье
Выросло из-под земли.

Кто ее покой разбудит?
Страх вокруг заночевал.
Серы каменные груди,
Строг лица пустой овал.

Небеса идут багровей
И опять берут свое,
Звон мечей и брызги крови,
Слез гранитных забытье.

Дым становий в поле диком,
Крик поверженных врагов...
Время думать о великом,
И чужих свергать богов.